

УДК 811.512.145

СИСТЕМА ЛОКАТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

© Ильдар Миргалимов

THE SYSTEM OF LOCATIVE MEANINGS IN THE TATAR LANGUAGE

Idar Mirgalimov

Despite the unity of the world as an object of world cognition and its representation in language, different people comprehend reality differently, which depends on geographical and social conditions of people's life, their objective environment, lifestyles, traditions and customs.

The language of fiction reflects all aspects of the Tatar people's life, their past and present, their ideas and beliefs, their nature, psychology, including spatial orientation, location of objects in space, etc.

The article discusses the form of expression of the concept 'space', based on the system of locative relations in the Tatar language. The relevance of this study is determined by a research gap in the studies of this topic. The works of M. V. Vsevolodova and E. Y. Vladimirsky form a methodological basis of this research. In the modern Tatar language, space and spatial relationships are expressed by lexical-syntactic categories, which are considered in the unity of the content, where formal tools are non-prepositional and prepositional forms of nouns with postpositions. This approach is relevant to the study of the concept 'space' in the Tatar linguistic picture of the world.

The purpose of the study is to explore the most general as well as specific features in the coordinate system of the concept 'space' in the Tatar linguistic picture of the world.

Keywords: space, locative relation, non-prepositional form, prepositional form, concept, Tatar people, linguistic picture of the world.

Несмотря на единство мира как объекта познания и отображения в языке, разные народы по-разному осмысливают реальную действительность, на что оказывают влияние географические и социальные условия жизни народа, мир его предметного окружения, образ жизни, традиции и обычаи.

Язык художественной литературы отражает все стороны жизни татарского народа, его прошлое и настоящее, его представления и верования, характер, психологию, в том числе пространственную ориентацию, расположение объектов в пространстве и др.

В статье рассматривается форма выражения концепта «Пространство» на основе системы локативных отношений в татарском языке. Актуальность данного исследования определяется неизученностью данной темы. Методологической основой исследования стали работы М. В. Всеволодовой и Е. Ю. Владимирского. Пространство и пространственные отношения в современном русском языке выражаются лексико-синтаксическими категориями и рассматриваются в единстве содержания, где формальными средствами являются беспредложные и предложные формы имени существительного. Такой подход к проблеме приемлем и для исследования концепта «Пространство» в татарской языковой картине мира.

Цель исследования – изучить наиболее общие и специфические характеристики в системе координат концепта «Пространство» в татарской языковой картине мира.

Ключевые слова: пространство, локативное отношение, беспредложная форма, предложная форма, концепт, татарский народ, языковая картина мира.

В современном языкознании пространство или предмет, относительно которого определяется местонахождение предмета, действия, признака и характера их взаимоотношений (статический, динамический) называется локумом [Всеволодова, с.184].

Локум может определяться не только с качественной, но и с количественной стороны: *На многие километры раскинулась в тундре строи-*

тельная площадка. Под пленкой будут выращиваться огурцы на 990 гектарах (перевод наш – И.М.) [Абдуллин, с. 91]. Логическая операция соотнесения предмета с локумом называется локализацией. Таким образом, локум – это пространство, названное именем как лексемой (*лес, город, километр*); форма имени может называть пространство как совпадающее (*в лесу, на лугу*),

так и не совпадающее с ним (*у леса, за лугом*). [Всеволодова, с. 188].

Формы выражения пространства передают «грамматически дифференцированное выражение различных смысловых отношений» [Скобликова, с. 245]: (*в лесу – в лес – по лесу – из леса – около леса / урманда – урманга – урман буенча – урманнан – урман янында*), то есть различных значений, составляющих в своей совокупности систему пространственных отношений, свойственных и татарскому языку. Эти значения с необходимостью присутствуют в указанных формах, коль скоро слово в данной форме появилось в потоке речи. Следовательно, мы имеем дело со значением грамматическим, в частности, синтаксическим. Но принципиально важно то, что в реализации значений участвуют совершенно определенные лексические пласты, прежде всего слова с предметным значением – имена (нарицательные и собственные) разного рода пространственных объектов – и с признаковым значением – названия единиц длины и площади. Следовательно, мы имеем дело с грамматическим (синтаксическим) значением, реализуемым посредством определенных лексико-семантических групп (ЛСГ), что и составляет специфику лексико-семантической категории. В этом ее принципиальное отличие от собственно синтаксических категорий, таких как категория подлежащего, категория глагольного сказуемого, определяемых часто формальным способом без учета лексики.

Основной категорией выражения пространства в русском языке возлагается на пространственные предлоги. В системе татарского языка такими аналогами являются послелого. По мнению А. Антоновского, «В современных европейских языках мы имеем дело с предлогами места, выраженными отдельными словами, а не падежными окончаниями, как это часто наблюдается в примитивных языках. В современных европейских языках локальные предлоги могут быть рассмотрены как языковые носители *абстрактных* пространственных представлений, что, в конечном счете, делает возможным их экспликацию. В примитивных языках подобные „носители“ просто отсутствуют, они интегрированы в слово, обозначающее то или другое конкретное место, в виде падежных окончаний» [Антоновский, с. 184]. Он замечает, что значения предлогов места, прилагательных, глаголов (движения и позиционных), которые образуют немногочисленный и закрытый класс, весьма устойчивы и почти не меняются со временем и подчиняются небольшому числу универсальных пространственных принципов. Пространственная категоризация представляет собой процесс при-

менения пространственных частей речи, несущих в себе имплицитные знания о пространстве к выражающим предметы существительным, так что формируются специфические пространственные *ожидания* от «поведения» данного предмета. Пример «на улице» представляет такую категоризацию, как она представлена в русском языке, где улица категоризируется именно предлогом *на*, как лишенная боковых пространственных ограничений (высоких домов, заборов и т. д.), что в общем соответствовало специфике жизненного мира жителя периферийного города, который в отличие от европейских городов замыкал улицу не фасадами, а садами и огородами. Напротив, жизненный мир другого жителя выказывает черты замкнутого городского пространства, что и выражается, например, в предлоге *dans* (ожидание ограниченного пространства). (Во французском языке «*dans la rue*» переводится на русский язык как ‘в улице’ (перевод наш – И. М.) Предлог *на* формирует ожидание, что предмет будет иметь выделенную верхнюю сторону (*на острове*). Предлог *в* формирует ожидания «сосудобразного» объекта без выделенных сторон» [Антоновский, с. 195]. Так, предлоги *вокруг, на* привносят интуитивное представление «объятия», *у* – «несоседства», *при* – пространственное отношение «связи» двух индивидов и т. д. В татарской лингвокультуре мы наблюдаем определенную антропоморфизацию мира, в частности в устойчивых сочетаниях [Замалетдинов, с. 73]. Модель мира как у тюркских народов, так и у татар представляется трёхмерной: *күк* ‘небо’ – верхний мир; *жер* ‘земля’ – средний мир; *жер асты* ‘подземелье’ – нижний мир [Сибгаева, с. 123].

Система значений выявляется в ходе анализа локативных конструкций. Каждое значение определяется как основное, общее значение пучка синонимических или соотносительных форм и / или конструкций, параллельно устанавливаются взаимосвязи и соподчинение этих значений на основе дихотомии (бинарных оппозиций). Так, понятие трассы движения выявлялось как общее значение форм (*идти лесом / по лесу / через лес / сквозь лес / мимо леса – урманнан узарга / урман аша барырга / урман яныннан узып (барырга)*), а также конструкций *лететь над лесом / проходить в двух километрах от леса – урман өстеннән очарга / урманнан ике чакрым ераклыктан узарга* и т. п. А в ходе анализа их взаимосвязей и соподчинения устанавливалось наличие более конкретных значений, в частности, одного общего значения для форм *лесом / по лесу / через лес / сквозь лес – урманнан / урман аша (барырга)* и другого для форм *мимо леса /*

над лесом / в двух километрах от леса – урман яныннан узып барырга / урман өстеннән очарга / урманнан ике чакрымлык ераклыктан узарга, что, в свою очередь, объединяло первую группу форм с формами в пространстве леса, а вторую – вне пространства леса. Система дихотомии выбрана как наиболее простая и исключаящая возможность ошибки непропорционального деления.

Выявление членов оппозиции проводилось по определенному основанию, по отношению к которому выделялись семантические дифференциальные признаки членов оппозиции – *семы*. Под *семой* понимается минимальный, элементарный семантический компонент, не членимый далее, но характеризующийся определенным рангом в данной системе значений и в соответствии со своим рангом способный либо осложняться *семой* более низкого ранга, либо осложнять собой *сему* более высокого ранга, либо то и другое вместе. Уровень ранга *семы* зависит от степени ее выраженности формальными средствами языка. Таким образом, каждое конкретное значение, как правило, складывается из двух и более *сем* обязательно разных рангов, причем некоторые из *сем* не реализуются в конкретных, языковых формах, не будучи осложненными, но могут быть выявлены при сопоставлении форм, имеющих одинаковый набор *сем* более низких рангов. Так, например, формы *в лес – в сторону леса* / *урманга – урманга таба* характеризуются одинаковыми *семами* более низких рангов, а именно: 1) динамический характер отношений предмета и локума, 2) конечный пункт движения. Различаются они *семами* сопространственности / несопространственности.

Если предполагается, что предмет в какой-либо момент времени есть, был или будет в пределах локума, налицо *сема сопространственности*: *в лесу, в лес, из леса, лесом, через лес, по лесу* / *урманда, урманга, урманнан, урманнан, урман аша*. Если известно, что предмет не находится, не находился или не будет находиться в пределах локума, или если (например, при выражении движения) неизвестно, был или будет предмет в пределах локума, или если это несущественно для коммуникации, то налицо отношение *несопространственности*: *около леса, у леса, в двух километрах от леса, к лесу, мимо леса* / *урман янында, урманнан ике километр ераклыкта, урманга таба, урман яныннан*. Эта оппозиция является первой, в частности потому, что находит свое выражение уже на уровне

Для определения синонимичности, вариативности и инвариативности форм использовались

также способность / неспособность именной группы или конструкции к противопоставлению: *книги не в шкафу, а на шкафу*. Ср. например: *остров в море / и на море*, где информация о местонахождении острова не изменяется при замене форм, и соответственно, словоформы *в море / на море* являются синонимами; *эта рыба живет в море* (при невозможности противопоставления: *не в море, а на море*), где словоформы *в море – на море* являются вариантами; *город на море* (*у моря*) – *город в море* (например, о поселке Нефтяные Камни), где словоформы *на море – в море* инварианты. В татарском языке, например, *су өстендә* – это вариант формы *суда*, если речь идет, скажем, о лодке: *Суда йөзә торган көймә – су өстендә йөзә торган көймә*. Они инвариантны, если объект – рыба: *Су өстендә түгел, суда йөзә торган балык*.

Некоторые именные группы, обладая одинаковым набором основных *сем*, различаются наличием / отсутствием какой-либо одной специфической *семы*, что допускает их взаимозаменяемость лишь в определенных контекстах, ср.: *книги на шкафу / наверху шкафа – китаплар шкафта, шкаф өстендә*.

В большинстве случаев форма, выражающая значение сопространственности, ни в каком контексте не может быть интерпретирована в смысле несопространственности и наоборот (для такого типа оппозиций принят термин «эквиполентная (то есть равнозначная) оппозиция»), то есть форма *в лесу / урманда* не может выражать значения «около леса», форма *около леса / урман янында* не может быть употреблена в значении «в лесу». Такой тип оппозиции характерен для форм, выражающих местонахождение (где?) и трассу движения; но у форм, называющих конечный (куда?) и исходный (откуда?) пункты, член со значением несопространственности может быть интерпретирован в смысле сопространственности, но не наоборот, ср.: *ехать от Москвы до Киева = из Москвы в Киев / Мәскәүдән Киевка кадәр бару = Мәскәүдән Киевка бару*.

Недифференцированность именной группы относительно какой-либо *семы* (немаркированность) обуславливает в некоторых контекстах – при замене ею маркированной группы – потерю информации, ср.: *Вдоль забора / около забора растут деревья*) – *Койма буйлап агачлар үсә / койма янында агачлар үсә*.

Следующей общей для всей системы является оппозиция по отношению к степени заполненности пространства предметом (действием, признаком), в которой выявляются *семы незаполненности / заполненности* пространства, ср.: *Около города растянулись поля. – Растянулись*

поля (до самого города) – *Шәһәр янында кырлар жәелгән, Кырлар шәһәргә кадәр жәелгән; прошел по лесу – прошел через лес, урманнан узды – урман аша узды* и т. д. Эта оппозиция всегда привативна в пользу первого члена; например, предложение *Около города поля* может быть употреблено и в том случае, если поля тянутся до / от самого города. Но предложение *До самого города поля* не может быть употреблено в том случае, если поля не доходят до города. При сходстве систем в общих чертах языки могут различаться именно характером оппозиций, что создает для учащихся дополнительные трудности.

Третьей пропорциональной оппозицией в анализируемой системе является оппозиция по основанию «характер отношений предмета к локуму». По этому основанию выявляются сема статичности / динамичности. Сема статичности предполагает неизменное по отношению к локуму пространственное расположение предмета, что находит более яркое выражение в отношениях местонахождения, а сема динамичности предполагает изменение сорасположения предмета и локума (удаление, приближение, прохождение), ср.: *стоять на улице – урамда басып тору; выйти на улицу – урамга чыгу*. Причем отношения местонахождения отнюдь не означают неподвижности предмета, а охватывают также случаи движения, перемещения предмета в пределах пространства, названного именной группой; ср.: *сидеть во дворе – бегать во дворе – ишегалдында утыру – ишегалдында чабып йөрү*.

Значение динамичности отношений реализуется в оппозиции «**Трасса движения – один из пунктов движения**», и последнее значение реализуется в оппозиции «**конечный пункт («финиш») – исходный пункт движения («старт»)**», ср.: *идти лесом – в лес – из леса / урманнан узу – урманга бару – урманнан чыгу; идти мимо леса / урман яныннан узу; от леса / урман ягыннан бару* и т. д.

Выделенные основные оппозиции, однако, не исчерпывают всех значений категории места. Следует отметить, что в рамках значений сопостранственности и несопостранственности выявляют свои, специфические значения. Так, для сопостранственности существенной оказывается оппозиция **общей и конкретной сопостранственности**, что предопределяется различным характером собственно пространственных (*континент, степь, лес, Крым, Урал*) и предметных (*дом, стол, дерево*) локумов. Такие пространственные объекты, как *страна, город, лес, поляна* и т. п., а также географические абстракции *горизонт, экватор, полюс* и т. п. допускают только

одну возможность сопостранственности: локализуемый предмет находится в пределах, на территории локума: *в городе / шәһәрдә, в лесу / урманда, на поляне / аланда*. Такие пространственные объекты, как, например, *дом, шкаф, стена, доска* и т. п., допускают две возможности расположения предмета: 1) внутри локума – *в доме / өй эчендә, в шкафу / шкаф эчендә, в стене / стена эчендә* и 2) на одной из его поверхностей – *на доме / өй өстендә, на шкафу / шкаф өстендә, на стене / стенада*. Соответственно, слова, реализующие значение общей сопостранственности, выступают в какой-либо одной форме: *на континенте, в степи, в Крыму, на Урале / континентта, далада, Кыргызда, Уралда*, а слова, реализующие значение конкретной сопостранственности, в русском – в двух формах, в татарском – в трех: *в столе – на столе / өстәлдә: өстәл эчендә, өстәл өстендә*; *на дереве – в дереве / агачта: агач өстендә – агач эчендә*. При несопостранственности эта оппозиция не выявляется, а существенной оказывается оппозиция «расположение локализуемого предмета по отношению: а) к локуму в целом и б) к одной из сторон или к одному из измерений локума», ср.: а) *около дома, к дому, от дома / өй янында, өйгә таба, өй ягыннан* и б) *перед домом, за домом, сбоку от дома / өй алдында, өй артында, өй кырында*.

Таким образом, необходимым условием успешного исследования лексико-синтаксической категории является анализ лексики. Следует отметить, что «пространственная» лексика в отличие от «временной» может быть дана закрытым списком лишь в отдельных случаях (названия стран света, частей света и др.), не говоря уже о том, что огромное количество пространственных объектов не позволяет перечислить их названия хотя бы в некотором приближении.

Список литературы

- Абдуллин Ф. Г. Ерак сәфәр. Казан: Фикер, 2011. 196 с.
- Антоновский А. Ю. Язык и пространство (Понятие пространства в лингвистике) // Уранос и Кронос: Хронотоп человеческого мира. Москва: РТ-Пресс, 2001. С.187–208.
- Всеволодова М. В. Способы выражения пространственных выражений в современном русском языке. М.: Русский язык, 1982. 264 с.
- Замалетдинов Р. Р. Концепты дөнья, өй, йорт в татарской языковой картине мира // Филология и культура. Philology and Culture, 2006. № 5. С. 71–84.
- Сибгаева Ф. Р. Пространство в картине мира поэтической фразеологии татарского языка // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. № 8. С. 123–127.

Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке. М.: Наука, 1971. 342 с.

References

Abdullin, F. G. (2011). *Erak səfər* [A Long Journey]. 196 p. Kazan, Fiker. (In Tatar)

Antonovskii, A. Iu. (2001). *Iazyk i prostranstvo (Poniatie prostranstva v lingvistike)* [Language and Space (the Concept of Space in Linguistics)]. Uranos i Kronos: Khronotop chelovecheskogo mira. Pp. 187–208. Moscow, RT-Press. (In Russian)

Sibgaeva, F. R. (2008). *Prostranstvo v kartine mira poeticheskoi frazeologii tatarskogo iazyka* [Space in the Worldview of Tatar Language Poetic Phraseology].

Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki, 2008, T. 150, No. 8, pp. 123–127. (In Russian)

Skoblikova, E. S. (1971). *Soglasovanie i upravlenie v russkom iazyke* [Coordination and Subordination in the Russian Language]. 342 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Vsevolodova, M. V. (1982). *Sposoby vyrazheniia prostranstvennykh vyrazhenii v sovremennom russkom iazyke* [Ways of Expressing Spatial Expressions in Modern Russian]. 264 p. Moscow, Russkii iazyk. (In Russian)

Zamaletdinov, R. R. (2006). *Kontsepty dən'ia, oi, iort v tatarskoi iazykovoii kartine mira* [The Concepts дəн'я, өй, йорт in the Tatar Linguistic Picture of the World]. Filologiya i kul'tura. Philology and Culture, No. 5, pp. 71–84. (In Russian)

The article was submitted on 13.02.2017

Поступила в редакцию 13.02.2017

Миргалимов Ильдар Флусович,
соискатель,
Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова,
420012, Россия, Казань,
К.Маркса, 12.
ildarfm.kazan@gmail.com

Mirgalimov Ildar Flusovich,
degree-seeking applicant,
Institute of Language, Literature and Art
named after G. Ibragimov,
12 K. Marx Str.,
Kazan, 420012, Russian Federation.
ildarfm.kazan@gmail.com